

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 8—9

(1935)

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1956

МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

к каталогу. Некоторые мелкие недоразумения, конечно, неизбежны: так писатель *ابن عون* (стр. 126) назван *ابراهيم او*, *باتاريمون*, т. е. Авраам или «отче наш»; в последнюю часть по недоразумению перенесено заглавие комментированной им молитвы. В указателе упомянутых имен *لحميل* (стр. 144) должен быть перенесен в другое место как *خميل* (частица *ل* обозначает здесь дател. пад.); имеется в виду «Хмель» — гетман Богдан Хмельницкий, как его обыкновенно называют восточные источники.

Большой заслугой составителя является не только то, что он ознакомил ученых со своим богатым собранием, первое сообщение о котором сделано им в 1925 г. Он систематически публикует или полностью или в извлечениях особенно интересные памятники. В 1929 г. он издал 20 философских и апологетических сочинений авторов IX—XIV в.; кроме того он напечатал отдельные произведения 'Убейдуллаха ибн Бахтишу' (1927 г.), Бар Гебрея (1928), отрывки из геополик Анатолия Бейрутского (1931), ветеринарной фармакопей (1931), сочинения Г. Фархата (1932), Ибн Абу-л-Байана (1932), Ибн Мискавейха (1933) и др. Все это дает ему право на глубокую признательность ученых разных специальностей.

Ленинград. Ноябрь 1934 г.

И. Крачковский.

Mamour, Prince P. H. Polemics on the Origin of the Fatimi Califs. By —. London (Luzac and Co), 1934, 8, стр. 231.

Книга, по словам автора (стр. 5), возникла из подготавливаемой им большой работы по истории фатимидских халифов. Роль этой династии в культурной жизни северной Африки и особенно Египта, где

они правили около двух веков (969—1171), достаточно хорошо известна и освещена обширной литературой. С происхождением этой династии связан один темный пункт их генеалогии, который остается не выясненным и до наших дней. По официальной версии они ведут свое происхождение от Мухаммеда ал-Мактума (скрытого), сына седьмого шиитского имама Исма'ила, с которого начинается разделение их на две ветви; по имени последнего эта линия получила название исма'илитов. В основе она восходит к 'Алию и Фатиме, дочери Мухаммеда, по которой династия и сохранила свое официальное наименование. Согласно же версии их противников, 'аббасидских халифов Багдада, династия происходит от еретика Маймуна ал-Каддаха (окулиста), человека с неизвестным прошлым. Эта версия нашла себе отражение, между прочим, в декларации 'аббасидских халифов, выпущенной ими с антифатимидскими целями.

Нужно сказать, что вопрос, хорошо отражающий политические тенденции своего времени, по существу для культурной истории представляет скорее «академический» интерес; оценка исторической роли фатимидской династии едва ли изменится от решения его в ту или иную сторону. Повидимому, так полагало большинство европейских историков, почему они обыкновенно и ограничивались констатированием двух противоположных тенденций, не задаваясь целью выяснить происхождение родоначальника династии от той или иной полуполюгендарной личности.

Автор, основываясь на том, что до сих пор не дано критического обзора литературы по этому вопросу (стр. 5), пошел по другому пути и решил посвятить ему специальную монографию. Сам он, как можно заключить на основании неко-

торых деталей работы, близок к исмā'илитам и в связи с этим книга его приобрела не столько исторический, сколько апологетический характер. В основу исследования он полагает изучение различных фāтимидских генеалогий, извлекаемых им как из арабских, так и европейских источников. Число этих генеалогий он не без некоторой гордости определяет в 100 с лишним (стр. 7) и, надо сознаться, что приведение полностью этих списков, очень мало отличающихся друг от друга, производит в работе несколько утомительное впечатление (стр. 40—41, 60—63, 93—94, 130—131, 133, 137—139, 153, 155, 204—205). По его мнению, неясность этих генеалогий рассеивается хотя бы слабым знакомством с арабскими рукописями (стр. 125, 134), которого за европейскими учеными он, очевидно, не признает. Из главного затруднения он выходит достаточно простым способом, выдвигая свой основной тезис о том, что Маймун ал-Каддāх является только конспиративным именем имама Мухаммеда ал-Мактума (стр. 68 сл.); оба они одно и то же лицо и следовательно Маймун был сыном Исмā'ила (стр. 79). В результате он устанавливает «правильную генеалогию» (стр. 149, 155), заканчивая свою книгу выводом (стр. 219), что фāтимиды были прямыми потомками 'Алия и Фāтымы. Едва ли все это построение принадлежит к таким, которые могут быть научно доказаны; основной тезис о единстве Маймуна и Мухаммеда является скорее остроумным, чем вероятным и едва ли повлечет за собой лучшее освещение истории фāтимидов.

За автором нельзя отрицать хорошего знакомства как с арабско-персидскими источниками, так и с европейской литературой, вплоть до последнего времени. Особенно следует подчеркнуть, что он

уделяет должное внимание работам А. А. Семенова и В. А. Иванова (стр. 57), давая высокую оценку известному своду последнего *A Guide to Ismaili Literature* (стр. 83). В других случаях, однако, апологетическая тенденция заставляет автора делить не только арабских историков, но и европейских ученых в связи с их взглядами на происхождение династии, на группы pro-Fatimi или anti-Fatimi (см., напр., 91), что действует несколько комично. Иногда эта тенденция идет дальше и вызывает стремление несколько подорвать доверие к ученым, мнение которых ему приходится оспаривать: так Quatre-mère оказывается недостаточно знакомым с историей фāтимидов (стр. 182), о которых он писал; он не может безпристрастно относиться к арабским рукописям и их авторам (стр. 198). Работа de Goeje вызывает сомнение в его искренности как историка (стр. 205) и т. д. При ссылках на некоторые произведения возникает вопрос, пользовался ли ими автор непосредственно: известная работа К. А. Иностранцева о выезде фāтимидских халифов цитируется в общей форме дважды в таких местах, которые не могут иметь к ней никакого непосредственного отношения (стр. 22, прим. 2; 118, прим. 1); изданная Н. Bunz'ем история фāтимидов ал-Мақризи упоминается единственный раз в конце книги (стр. 219, прим. 1), хотя для данной темы она была бы очень не бесполезна в ходе работы.

Из крупных пропусков в источниках следует выделить особенно два. Автор неоднократно пользуется кордовским историком 'Арийбом ибн Са'дом (вт. пол. X в.), важное значение которого он справедливо подчеркивает (стр. 109, прим. 1); однако он его привлекает только в устарелых английских извлечениях J. Nicholson'a 1840 г., совершенно не обращаясь

к критическому изданию М. J. de Goeje (Arib Tabari Continuatus, Lugduni Bat., 1897). Еще важнее пропуск историка Яхьи ибн Са'ида ал-Антākī (ум. ок. 1066 г.), современника Фатымидского халифа ал-Хākима, располагавшего такими данными о начале династии, которые не встречаются у других историков. Его хроника теперь доступна в двух изданиях (L. Cheikh, Beyrūt 1909 и I. Kratchkovsky et A. Vasiliev, Paris, 1924—1932, последнее с французским переводом).

В комментировании отдельных деталей источников у автора иногда чувствуется известная неопытность. Когда говорится об антипатии Маймūна к «арабам», автор склонен полагать, что речь идет об «'аббасидах» (стр. 74); едва ли это так, особенно если принять во внимание, что 'аббасиды по существу являлись полуперсидской династией. Дело сводится, конечно, к противопоставлению арабов и персов — к той шу'убии, которая играла важную роль в эту эпоху. Когда Вениамин Тудельский говорит о евреях, живущих под властью «исмаильтян» (стр. 98, прим. 1), то здесь имеется в виду, конечно, не исма'йлиты-Фатымиды, а арабы вообще — потомки Исма'ила, сына Агари, как систематически называли их европейские источники раннего средневековья.

Изложение автора не всегда остается на уровне серьезного научного труда: мало уместны в последнем анекдоты с Macdonald'ом (стр. 38) или построение сомнительных силлогизмов (стр. 92), равно как сравнение работы Silvestre de Sacy с открытиями Коперника, Харвея и Листера (стр. 56—57). Мелких недосмотров довольно много; их можно было бы считать иногда за опечатки, если бы они не повторялись неоднократно; имя известного географа Ибн Хаукаля передается Ibn Hukal (стр. 157, 158, 121), его современник ал-Исгахри фигурирует как

el-Itakhri (158, 221); известный голландский ученый C. Snouck Hurgronje появляется в указателе (стр. 222) в виде C. S. Hurgronje, как и в тексте (стр. 13, прим. 2; 28, прим. 2); св. Ефрем отнесен в указателе (стр. 222) под букву S, как St. Ephraim и т. д.

Как некоторый свод материала, работа представит известный интерес для ученых; не лишена она интереса и как показатель настроений части мусульманского общества. Однако вопрос, который ставит автор, едва ли когда-нибудь будет решен окончательно; можно даже сомневаться, относится ли он к области исторического знания.

Ленинград, 14 ноября 1934 г.

И. Крачковский.

Lecerf, Jean. Littérature dialectale et renaissance arabe moderne. Bulletin d'Etudes orientales de l'Institut Français de Damas 2 (1932) 179—258; 3 (1933) [Отдельное издание: Damas (1933) VIII + 210 стр.].

Работа производилась исключительно над опубликованными текстами на сирийском (специально ливанском) арабском диалекте и имела задачей осветить две основные проблемы: возникновение писанной литературы на арабидском (разговорном) языке и вопрос о двуязычии на арабском Востоке. Lecerf сравнивает положение с языками у арабов с двуязычием в Греции. Здесь, начиная с 90-х годов прошлого столетия, в полном разгаре война двух языков: новоклассического и разговорного. Конституция 1911 г. признала официальным языком новоклассический, который и по сей час господствует в высшей школе и парламенте, но в 1917 г., в результате реформы начальной школы, междудialekтический народный язык стал языком